

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Журбин грешен по всем пунктам. Уехал в Америку — вернулся. Не покорил. Грезил в молодости Малером — съехал в мюзиклы, в киномузыку. Хотя написал три симфонии: мол, я тоже могу. Но это лишь приятный самообман. Хотя 60-летний Журбин никогда не комплексует: весел, энергичен, не прочь выпить...

Александр Журбин родился в Ташкенте в семье инженеров. Там же учился в консе игре на виолончели. Затем — Гнесинка, Ленинградская консерватория. Писал в стол симфонии, камерные произведения. Безусловным творческим успехом становится рок-опера “Орфей и Эвридика” (1975), выдержавшая более 3000 представлений. А мюзиклы (числом свыше 30) — так и вовсе его конек, вспомнить ту же “Чайку”, “Стакан воды”, “Закат”. Активно сотрудничает с кино: “Письма мертвого человека”, “Джек Восьмеркин — американец”, из последних — “Московская сага”. С 1990 года жил с семьей в Нью-Йорке, теперь же, по его выражению, вернулся. Хотя там осталась квартира, сын и, вероятно, интерес до жизни.

Композитор Александр ЖУРБИН:

“Кислород?! Пусть перекрывают! Мне терять нечего!”

Сколько водки ни бери...

— Ну-с... — его вечно улыбающееся лицо “с обложки”.
— Начнем с выпивки... Вот, помню, студентами бегали в ларек “Реанимация” на Бауманской за сильно разбавленным пивом.
— А я тоже в начале 90-х заехал в Москву из Америки и пошел в гости в один дом. Даже стыдно признаваться... Ну и решил захватить с собою бутылочку “Абсолюта”. Просто взял и купил ее в ларьке по дороге, а с порога шикарно заявил хозяевам: “Вот теперь-то вы наконец выпьете настоящей водки! А то, понимаешь, сидите тут...” Присочинил, что “слеза” чуть ли не самолета... Открыли. Оттуда такая жуть поперла! Запашина, валяющий с ног. А мне так хотелось быть суперменом! Оказалось, это не так просто.

— Ну, в Штатах с пойлом не было проблем?
— Да? Как вы думаете, если в нью-йоркском баре без пяти три ночи бармен объявляет о последнем дринке, а потом — хоть плачь — никто тебе капли не даст! Как, впрочем, и по воскресеньям. Приехали ко мне друзья издалека. Я побегал на улицу за бутылкой. Захожу в бар, шепчу по-свойски бармену: мол, понимаете, очень нужно, не согласились бы вы только бутылочку вина, пусть и... по воскресной цене... А он: “Что вы! Что вы! Мне лицензия дороже, чем ваши несчастные 10 долларов сверху!” Эх, да Москва в этом смысле — последний очаг, куда еще не проник западный менеджмент с его запретами. А какая здесь ночная жизнь!

— Со знанием дела говорите...
— А что? Я нормальный человек, который любит женщин, наслаждается жизнью. Мое жизненное ограничение — только здоровьем. Вот, скажем, Сережа Довлатов был запойным пьяницей. Но для Америки это невероятная ситуация, чтобы человек на две недели погружался...
— В невесомость... А сами?

— Нет. Стараюсь не изнашивать организм раньше времени. Это я больше для рифмы говорю, что люблю хорошие вино да кино.

— А вы писали музыку для хорошего кино?

— Эх, вопрос... Мотыль снял чудный фильм “Лес” по Островскому, который прошел очень маленьким экраном. Я к нему такую музыку сочинил душещипательную... Вот это одно, пожалуй. А так... Часто режиссеру вообще наплевать на музыку. Он все уже снял, а потом говорит мне: “Ты чего-нибудь подпусти: здесь — лирику, а здесь — тревогу”. Вот и весь сказ. По большому счету, я так и не нашел своего режиссера.

— Но от предложений не отказываетесь?

— Кто ж отказывается? Мир маленький: раз откажешься — второй не позвонят. Хотя нет. Недавно отказался от фильма про чеченскую войну. Он оправдывал “наши победоносные войска”. Я в таких темах не участвую.

— И слава богу. Надоели уже эти военные фильмы. Да и комедии-то... Вы заметили, как они стали тяжеловесны? Аляповаты.

— Искренность ушла. Ушел воздух. Что-то не так в самой атмосфере вокруг художника.

Симфония во время чумы

— До сих пор (как и прежде) государство оказывает давление на художника. Хочет видеть послушных в своих рядах. Странно, что многие визжат от радости. А иные просто боятся, что им перекроют кислород...

— Не верю. Вот я не верю, что сейчас это возможно! Как можно перекрыть кислород?

— Скажем, не вступишь в партию, какую надо, — сын по благу в вуз не поступит.

— Мне кажется, наоборот, что если ты проявишь твердость, тебя только больше уважать будут.

БАЛОВЕНЬ СКРИПИЧНОГО

КЛЮЧИКА

— Будут. Но позже. А сначала...

— Ну и пусть. Мне уже наплевать. Пусть перекрывают. Пианино у меня не отберут. Нотную бумагу тоже.

— Пианино, говорите... Ну-ка! Я смотрю, хорошее. Ключиком еще закрывалось...

— Bechstein 1883 года. По легенде, на нем Сергей Васильевич Рахманинов играл.

— Вот видите, ценная вещь. А вот написали бы оперный цикл “Перестройка” — глядишь, и не отняли бы...

— “Перестройка” — неактуально. Сейчас надо — “Путин на охоте”. В мои времена один композитор исхитрился сотворить оперу “Малая земля” по Брежневу. И даже слова использовал. Шутка в том, что он не только благодарности не получил, но ему вообще сказали: “Спрячь это подальше и никому не показывай! Не позорь Брежнева, оставь в покое старика!”

— Много конъюнктурщиков и спекулянтов... Была Вторая мировая война. А так ли много произведений создано в мире об этой войне? “Ленинградская” Шостаковича?..

— “Военный реквием” Бриттена... Нет, немного. Большой мастер редко реагирует на событие молниеносно. Одно дело — зов сердца, другое — конъюнктура. Я ведь тоже 11 сентября был в Нью-Йорке, прямо у этих башен. Обломки самолета нашли на моей крыше. Офис был разрушен, бумаги залиты водой. Я мог погибнуть. Но не по-

гиб. Зато буквально через неделю после взрывов зазвучали траурные марши памяти жертв 11 сентября: заработала индустрия композиторов. А я не нашел в себе отклика: он не мог родиться так скоро. Хотя копится тот ужас, которым живет нынче мир: его подчинение мусульманским фундаменталистам... Посмотрите, как чернеет Европа. Я не расист, но, приезжая во Францию, так хочется увидеть француза, а не арабов и африканцев. Думаешь: ну, елки-палки, почему?! И западные люди со своей политкорректностью не смеют об этом слова сказать! Крики им: “Убери этого африканца!” Они отвечают: “Как вы смеете, у него французский паспорт!” Видите ли... Вот и хочу написать что-то под названием “Пир во время чумы”. Ведь чума — это не болезнь. Болезнь — это грипп какой-нибудь... Чума — это наказание, ниспосланное на определенное место. Как СПИД. Как терроризм. Всё одно — Божьи проклятия...

— Иногда страшен не сам террорист, а люди, которые научаются быть равнодушными.

— Верно. А еще часто террористов дураками выставляют. Называют их трусливыми подонками. Никогда с этим не соглашусь. В смелости им не откажешь: не бояться смерти, им не страшно ничего... Не подумайте, что я защищаю террористов. Я родился в Ташкенте, среди фанатиков, сидящих у мечети и отбивающих свои поклоны...

Негостеприимная Америка

— Эпопея американского Журбина завершилась. Значит, прославиться там не удалось?

— Нет. И я не боюсь в этом признаться. Хотя жили нормально: мне не пришлось быть таксистом или в переходе играть на скрипочке. Но чтобы стать американцем...

— ...там надо родиться?

— Или приехать в очень раннем возрасте. Как мой сын Лёва (Лёва): он-то на правильном пути. Сейчас делает почти все аранжировки для знаменитого “Кронос-квартета”, зарабатывает деньги. А что прикидываться бессребреником? А у меня не получилось. Все думал: “Как так?! Я такой известный в России!” И что? Все мои прежние заслуги не имели ни малейшего значения. Это как в Москву приедет какой-нибудь композитор из Вьетнама... Мы все там смотримся как из Вьетнама. Никто с тобой не разговаривает, ты не можешь прийти к Мадонне и сказать: спойте мою песню! Возникает туча агентов и менеджеров... 12 лет я старался пробить эту стену.

— Но не жалуете?

— Америка придала жизни объем. Это музыкальная Мекка, хотя... прагматичная, суховатая, незмоциональная. Там не нужен такой человек, как, скажем, Гергиев — безумный Гергиев, который носится по миру, с легкостью меняет репертуар. Там каждый музыкант знает, что он будет играть через 8 лет в 12 часов дня.

— Мекка? Но у самих Штатов музыкальные традиции слабые...

— Это так. У нас Шнитке, Губайдулина, Денисов были властителями дум, с ума сходили на их концертах, а там они никакие... Ну, был я на концерте Ксенакиса. Скромная университетская аудитория, пришли в нее максимум человек сто. Потом у Яниса спросили: “А сами-то вы какую музыку слушаете?” И он ответил: “Брамса, ведь я... ненавижу современную музыку!” Хотя искренне. И вообще, если уж мы затрагиваем имена таких, как Ксенакис, Булез, Штокхаузен, — при том что все они были большими личностями, музыкальными философами — они, сами того не желая, завели музыку в абсолютный тупик. Ее стало невозможно слушать! И сразу все повернулось обратно к Малеру или...

— Вы защищали диссертацию о последних симфониях Малера...

— Малер писал сердцем. Поэтому, кстати, у него промахи в конструкции, неудачные финалы. А так у меня вообще страсть к немцам. Зачитывался одно время Томасом Манном...

— Конечно, “Доктором Фаустом”?

— Хрестоматийная вещь для всех музыкантов. Давно заметил, что каждый себя чувствует Адрианом Леверкюном. Я же в этом персонаже всегда видел Шнитке. Это как раз тот человек, который продал душу дьяволу. Нет, сначала он был самым нормальным: приходил в Союз композиторов, просил путевку в Рузу или выступал на собрании, защищая кого-то... А потом его зрение становилось все шире, пока он не вознесся над нами. Но дьявол ему подсунил не то, что обещал.

— Вы остры. Почему не стали музыковедом или академистом? Темперамент?

— Наверное. Если я писал песню или мюзикл (того же “Орфея и Эвридику”), их сразу все подхватывали. Нравилось. А напиши я фортепианный концерт — он не вызывал ни у кого ни малейшего интереса. Ну и черт с ним.

— Конечно, черт. И 60 — не возраст.

— Это я тут к доктору пошел, начал нудеть: мол, 60 — начало старости. А он: “Голубчик (young man), 60 сегодня — совсем не то, что 60 двадцать лет назад! Вылечим!”